

Василиса Кириллова



Князь из Китежа

Часть вторая



СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Василиса Кириллова

Князь из Китежа. Часть вторая

<https://litres.ru/73129828>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я не помню ничего из того, что случилось со мной во время экспедиции к древнему Китеж-граду. Близкая подруга исчезла, а мне приходится привыкать к новым правилам мира: нет ни интернета, ни общения — сплошная изоляция. Только один профессор не согласен с таким положением дел: он настойчиво пытается вывести меня из себя!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	37
Глава 6	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Князь из Китежа.

Часть вторая

Глава 1

Просыпаюсь, словно от сильного толчка... И сердце, как бешеное, стучит и отдается звоном в ушах... Я обхватываю ноги, чтобы почувствовать себя в безопасности... А затем сползаю с кровати, чтобы открыть окно и впустить весеннюю прохладу в комнату... Мой психотерапевт подсказала, как можно быстро снизить кортизол, не принимая кучу таблеток, конечно, лекарства куда эффективнее, но за последние полгода их столько было...

Несколько месяцев в неврологии, новый год в диспансере, а затем лечение у психиатра... Что со мной произошло? Почему меня нашли грибники и спасли? Куда исчезла Марина? Я ничего не могла вспомнить. Последний обрывок всего этого безумия: молодой красивый мужчина помогает мне забраться в медицинскую буханку, Марина что-то трещит рядом, и всё... Я ничего не помню. Я даже не помню, как меня нашли...

Я не верю, что Марина погибла... Не хочу... Маринка – боец, она не могла просто сдаться. Следовательно не стремилась разобраться в том, что произошло, для него была хороша

любая версия, и когда недалеко от места происшествия нашли окровавленные вещи, то поиски прекратили и дело закрыли. Официально: Марина была мертва...

Не знаю, сколько стою так. За окном горизонт начинает розоветь... Перевожу взгляд на часы и вижу: 5:15. До полноценного подъема еще целый час, но мне уже не заснуть. Обычно панические атаки не дают мне покоя ночью, в два или три часа, но сегодня что-то новенькое... Глубоко вдыхаю прохладный воздух, чувствую, как холодок касается моей кожи, покрывая ее мурашками, а затем медленно выдыхаю, и мне становится легче... В коридоре зажигается свет, я вижу его через стеклянные вставки на двери... Мама аккуратно заглядывает ко мне в комнату:

- Опять не спится? - произносит она шепотом.

- Все в порядке, просто волнуюсь немного, - пытаюсь успокоить ее я.

- Давно не спишь? - произносит она спокойным тоном.

Мне кажется, она догадывается, что мои панические атаки носят постоянный характер, но после того, как я перестала рыдать по ночам и будить родителей, я старалась не говорить, что мне не спится...

- Нет, только что встала! Наверное, боюсь проспать... Ведь сегодня непростой день...

- Тогда умывайся, пойду готовить завтрак, пока папа не вернулся с работы...

После того как я вернулась из диспансера, наша жизнь

сильно изменилась... Родители боялись оставить меня одну. Отец устроился на ночные смены, чтобы днем контролировать мое состояние. Они боялись, что из-за сильного стресса моя гидроцефалия может вернуться. Бабушка снова отправилась в Бурятию за монахом, который когда-то сделал для меня амулет, но вернулась с его учеником. Мастер отправился на Тибет, и никаких вестей от него не было. Ученик, который годился мне в отцы, долгое время что-то шаманил, окуривал палату всякими благовониями, из-за чего у моей бабушки и заведующей неврологии произошел сильный скандал. А затем вручил мне браслет, так как предыдущий я давно потеряла, и новый амулет. Я, конечно, спорить не стала, мне просто не хотелось расстраивать бабушку, да и родителей... Но честно говоря, это все меня пугало... Я и так не могла связать какие-то обрывки своих воспоминаний, называла имена о которых никто не знал... Путала реальность и фантазии... Говорила на каком-то странном языке, порой слышала голоса в голове... Но после интенсивного лечения в неврологии, мне очень не хотелось попасть в психушку, поэтому я просто молчала... Затем долгие разговоры с психотерапевтом... И как только я стала чувствовать, что вот она, почва под ногами, пришел следователь... А затем и известие о Марине...

Я очень хотела понять, что же все-таки произошло, но в четырех стенах сделать это было невозможно. Практически всю информацию я нашла в интернете, в местных пабликах.

Наше исчезновение наделало много шуму. Опять же из-за инициативы моей бабушки. Но как только родители поняли, что кроме занятий с преподавателями, я еще и этим занимаюсь, мне обрезали доступ к внешним источникам, как будто я озабоченный подросток. С соцсетями я распрощалась еще раньше, так как кроме знакомых людей, желавших мне выздоровления, появились и те, кому просто нужно было написать всякую гадость: «Хотел потусить на твоих похоронах», «Что ты не сдохла, как твоя подружка», «Приезжай ко мне, детка» и фото детородного органа. Сначала я просто хотела всех забанить, но поток был просто огромный, я словно стала звездой с офигевшими фанатами. В одной из статей было написано, что анафилактический шок вызвала ранее принятая трава... Ну, от части, так и было, только я не курила ее, а лишь хлебнула отвар... Но в комментариях я стала наркошей номер один по всему Нижнему. Во многом и из-за этого родители обрезали мне доступ. Нет поводов, нет истерик.

Сегодня мне нужно было отправиться в университетскую библиотеку, так как мой новый научный руководитель забраковал все мои предыдущие исследования и посоветовал ознакомиться с более достоверными источниками, поскольку это «мракобесие», как он высказался, читать невозможно.

Я, конечно, не думала, что мне будет легко, и тем более не рассчитывала на жалость. Но это всего лишь курсовая работа, он же выкатил мне требования на целый диплом.

Когда я узнала, что мой предыдущий научный руководи-

тель ушел в отпуск по уходу за ребенком, я была, мягко сказать, огорчена. Известие не только меня поставило в тупик, моя бабушка и вовсе высказалась нелестно: «При советской власти такого не было! Что это за мужчина?» А дальше шли термины чисто пролетарской направленности.

Меня огорчало даже не то, что он мужчина и ушел в отпуск, здесь, как бы, были равны и папа, и мама. И кому осуществлять уход, решали сами родители. А то, что мне оставалось лишь защитить курсовую, вся работа была уже проведена. С остальными предметами проблем не было, я помнила прекрасно материал, хорошо выполняла задания. Система удаленного обучения была налажена на отлично, никогда не думала, что такое скажу, но спасибо тебе, ковид! Конечно, выпускной из школы ты мне сильно испортил: ни первого танца, ни первой пьянки! Но, как сказали родители: «Зато не потратились!» Да! Это точно, все деньги ушли на мое лечение сейчас.

Вообще, этот новый препод не вызывал у меня доверия: черный квадратик вместо лица, и голос, с одной стороны, приятный, но в то же время интонации какие-то надменные, будто я отвлекаю его от чего-то очень важного. Я, как бы, и не настаивала на его кандидатуре. Звонила в деканат в надежде, что можно что-то исправить. Но нет.

Пока я умывалась и чистила зубы, а также проверяла сумку с документами, чтобы ничего не забыть, время уже дошло до шести. Я медленно направилась по коридору в сторону

кухни, где уже вовсю готовились мои любимые сырники, на столе стоял клубничный джем, который мы все лето варили на даче. Самое интересное, как мы собирали гектар клубники, которую собственноручно насажала бабушка, я помню. Как картошку планировали копать... А что произошло в экспедиции – нет... Почему наш мозг так избирателен... Мой психотерапевт говорит, что мое состояние вызвано сильным эмоциональным потрясением, и поэтому я не могу ничего вспомнить, как только уровень тревожности будет понижен, воспоминания могут вернуться... Мои родственники не хотели бы, чтобы я вспомнила, я слышала, как отец говорил маме: «Меньше знает, крепче спит. Марину все равно уже не вернешь, кто знает, что им пришлось пережить?»

А для меня это было важно, очень важно. Даже сейчас я хотела знать правду, как все было на самом деле, а не то, что написали про нас местные журналисты, и не то, что было удобно следователю.

Мама как раз разливала чай, когда заголосил ее любимый Стас Михайлов, это значило, что папа звонил. Мама направилась в спальню, где обычно забывала свой мобильник.

Я в полном одиночестве начала уплетать сырники, положив сверху несколько ложек ягодного джема. Какая же вкуснота! И как же я по ней скучала! Я долгое время была на больничном питании, и когда пришло время переходить на нормальную еду, мой желудок запротестовал, поэтому пришлось постепенно приучать его к новому рациону.

Внезапно мою идиллию прервал сигнал входящего звонка на ноутбуке. Я настороженно направилась в свою комнату, прихватив чашку чая. Экран ярко горел, а на нем высветилось имя моего препода, как всегда, с черным квадратиком. Я посмотрела на часы – 6:40, и однозначно, решила, что это какой-то глюк. Ну не звонят нормальные люди в такое время, тем более преподаватели. Но звонок и не думал останавливаться, мерзко раздаваясь по всей квартире. Я поставила чашку на стол, еще несколько секунд думала, стоит ли нажимать на кнопку «принять», села за стол. Мама появилась в проеме, с таким же озадаченным лицом.

Я потянулась курсором к зеленой трубочке, а она вдруг исчезла.

- Что происходит, Соня? – с каким-то страхом в голосе произнесла она.

- Не знаю, я пила чай, как вдруг услышала звук, пошла сюда, но не успела принять вызов.

- Странно, - произнесла мама. Да и мне это было странно.

- Наверное, глюк какой-то, - поспешила успокоить ее.

- Да уж... В наше время глюки были только у алка..., ну ты поняла...

- Да, поняла! – едва сдерживая смех ответила я.

- Придется тебе перенести свой визит в библиотеку на другое время, папа задерживается, на работе какая-то авария.

- Авария? С ним всё в порядке? — взволнованно произнесла я.

- Да! Папа в полном порядке! Он уже собирался передавать смену, ну ты знаешь, как это обычно бывает...

Да. Я уже знала, как это. Папа всю жизнь проработал на огромном промышленном предприятии, но из-за моей болезни ему пришлось уйти со своей должности и выйти обычным инженером. А как оказалось, зарплата была у них выше не просто так: очень часто случались прорывы, которые нужно было ликвидировать...

- Я попробую перенести визит, ты же знаешь, что в ту секцию, которая мне нужна, только по записи.

На самом деле, я была там всего два раза. Мой предыдущий руководитель считал, что начинающим исследователям там делать нечего, так как нет ни опыта, ни знаний. Но вот новый, черт бы его побрал, совершенно другого мнения. Видите ли, слишком поверхностные выводы, недостаточно теории, слишком много воды.

А я виновата, что ли? Если вся современная литература лишь ссылается на древние источники или вскользь их упоминает. А в свободном доступе такой литературы нет. Только по записи. Открываю ссылку на университетскую библиотеку, чтобы посмотреть свободное время, и что я вижу? В правом углу экрана появляется значок письма. Бог ты мой! Нажимаю без задней мысли и просто нахожусь в ступоре минуту.

Уважаемая София Архиповна! Жду Вас сегодня на консультацию в 104 аудитории, третий корпус. Также прошу

обратить особое внимание на график консультаций. С уважением, д.и.н., профессор кафедры истории и политологии Г.В.Псковский.

И что я вижу? Каждый понедельник в 8:00 стоят консультации по дипломным и курсовым работам. Я аж поперхнулась... Но не стала мешкать и набрала ответное письмо.

Уважаемый Г.В. Псковский! (Сейчас я поняла, что имя и отчество ему особенно подходили, потому что именно это во мне сейчас бурлило). Я нахожусь на удаленном обучении и, к сожалению, очно посещать данные занятия не смогу. Прошу согласовать время с деканатом.

С уважением, С.А. Нафтикина.

Несколько минут была полнейшая тишина, и я даже вернулась к поиску списка, пытаюсь выяснить, какое время еще свободно. В комнате родителей снова зазвонил мамин мобильник, что было, прямо скажем, нечасто. Мелодия была другая: в этот раз Дмитрий Маликов перенял эстафету. А это значило, что некто, из неблизкого круга, звонит.

«Звезда моя далекая...» Это точно, и далекая, и неизвестная. На сегодня свободных мест не было, посмотрим, что есть на завтра. Так все и ломанулись в эту секцию! Не удивлюсь, если все места заняли дипломники Г.В. Псковского. И мне он сразу представился древним седовласым стариканом с такой мерзенькой ухмылочкой и лысиной на пол затылка. Таким скрюченным и немощным, возможно, с палочкой. А ведь перед самой экспедицией мы так мечтали послушать его

лекции, посмотреть на открытие мирового масштаба! А что в итоге? Я ничего не помню. Вообще, я хоть что-нибудь успела посмотреть? Одна сплошная темнота. Вот даже почему я хлебнула этот отвар? Я не помню. Был какой-то деревенский праздник, все кругом веселятся, только мне отчего-то грустно, все как в тумане... Красивый мужчина стоит рядом, а затем я падаю... мне плохо... Он смотрит на меня, а его глаза такие голубые, такие яркие, светлые... Словно небо, отражающееся в синеве моря в погожий день... А потом он несет меня на руках... Что это? Фантазия или реальность? Я так и не поняла. Но мой психотерапевт склоняется к первому.

Мама выдергивает меня из размышлений каким-то нервным возгласом:

- Конечно! Да, она обязательно приедет. Да...

Не поняла, куда приедет? За последнее время я очень редко куда выезжаю, а если это происходит, то обязательно под пристальным вниманием моих родителей...

Следующий возглас меня напугал еще больше:

- Афродита Апполинарьевна, у нас ЧП! Да, я знаю, который час! Но Софии срочно нужно оказаться в стенах университета. Архип не может ее отвезти, у него внештатная ситуация на работе... Да, я знаю, что она уже большая... Афродита Апполинарьевна, я вас очень прошу... Да, проводили обряд... Но..но.. Афродита... Алло...

Слава Богу! Бабушка не поедет со мной! Это был бы реальный перебор, если бы я явилась на консультацию с ней.

И что случилось? Почему мне так срочно нужно в универ?

- Соня! Срочно собирайся! Я постараюсь отпроситься, чтобы отвезти тебя в универ.

- Да что случилось? – не выдерживаю я.

- Этот ваш научный руководитель... он очень серьезный человек... в зимнюю сессию ... в общем, очень много отчислений было... так что...нам не нужны проблемы...

- Мам?- протяжно спрашиваю я.

- Быстро! Быстро, Соня!Это не шутки. Мы с отцом не потянем платное, и ты это прекрасно знаешь. А без образования в наши дни...Ну, ты поняла...

- Да поняла я! – более резко, чем хотелось бы, отвечаю я.

А тем временем натягиваю джинсы и ищу блузку...

Глава 2

Маме все-таки удалось отпроситься, и вот мы уже мчим, если можно так сказать. Пробки!Чтоб их!Мне кажется, что черепаха ползет быстрее, чем мы продвигаемся. Мама судорожно сжимает руль, а я судорожно сжимаю ручку от двери, так как ехать с мамой, это не то же самое, что с папой. Он всегда спокоен и может в любой ситуации найти решение, мама же страшный паникер! Ее настроение быстро передается мне, и вот мы уже вдвоем начинаем паниковать. А истерический припадок нас достигает, когда мы слышим жуткий скрежет металла и чувствуем ощутимый удар в капот.

Мама отрывает стекло, чтобы поговорить с хозяином машины, которая и создала этот ужасный шум, который до сих пор стоит в ушах. Но в ответ мы слышим отборную брань.

- Мужчина, послушайте...

- Нет, это ты меня послушай, обезьяна...Ты посмотри, что ты натворила...Знаки, б..я, для кого вешают!

- У меня ОСАГО, мы все решим!

- Х...ясаго, у меня времени нет!

А времени реально нет, а мы даже на полпути не продвинулись. Мама мечется глазами по салону, а потом выдает:

- Соня, сможешь доехать на автобусе, пара остановок осталась Если сейчас выйдешь, как раз успеешь добежать.

Класс, мам! Почему сразу нельзя было так сделать?! Но

оставлять маму с этим неуравновешенным, как-то не хочется.

- Может, мне остаться? - спрашиваю я.

Но мама уже на взводе, тем более, тип из соседней машины ее явно разозлил.

И теперь мама выдает такую отборную брань, что я осознаю, что в моей помощи она явно не нуждается. Я потихоньку приоткрываю дверь, чтобы не задеть никого, и быстренько перебегаю дорогу, благо горит зеленый. Под еще большим впечатлением от услышанного протискиваюсь в подхвачивший автобус. Мои родители уже двадцать лет как жены, и я никогда не слышала, чтобы мама позволяла себя подобные слова. Никогда. Могла повысить голос, но никогда не позволяла себе подобного. Кое-как расплатилась с кондуктором, который умудрился в такой давке обилечивать пассажиров. Когда подходила моя остановка, я честно, пыталась к ней прорваться, но входящая толпа снесла меня обратно, и я снова осталась в автобусе. Это произошло и на следующей остановке. И лишь у главного корпуса меня наконец-то вынесло на автобусную остановку. Только мне она совсем не сдалась сейчас! У меня оставалось пятнадцать минут, и я, при всем желании, не пробегу три остановки. Остались маршрутки и метро. Я сунула руку в карман и поняла, что моего проездного нет. Черт! Я очень давно не ездила на автобусе, отвыкла уже. Метро – точно не вариант. Значит Но не успела я додумать, как рядом остановилась черная тони-

рованная иномарка. Я особо не разбиралась в моделях авто, но точно поняла, что она принадлежит каким-то кавказцам, только подобные личности так пантовались. И я оказалась права: переднее стекло опустилось, и я увидела белозубую улыбку своего однокурсника Масхадова. Но не облегчение я сейчас испытала, а страх, потому что Марина как-то была с ним связана, и что-то плохое было между ними.

- Кого я вижу? Соня! Дорогая, садись, подвезу тебя.

А мне ведь очень надо в третий корпус, но садиться в его машину совсем не хочется.

- Да я на маршрутке, – блею, первое что приходит на ум, а самой убежать хочется куда подальше.

- Зачем на маршрутке? - с удивлением изгибает он бровь.

Затем! Чтоб от тебя подальше! Но отвечаю я совсем другое:

- Не хочется тебя беспокоить! Меня ждут уже

- Тем более садись! Зачем заставлять людей ждать! - как-то по-простому заговорит он.

Затем! Чтобы живой и здоровой до места добраться!

- Боишься что ли? - с насмешкой произносит он.

А я уже не знаю, как от него отделаться.

- Не бойся! Мы не кусаемся! - отрывается соседнее окно, и из него выглядывают его дружки.

Меня прошибает холодный пот, я оглядываюсь по сторонам, ищу хоть кого-нибудь, чтобы попросить о помощи. Но, как назло, студенты уже ушли далеко, а на остановке – пара

старушек и женщина с ребенком, и следующего автобуса поблизости не видно. Ну почему именно сегодня?

- Да у вас места, наверное, нет. Не удобно, - бормочу я.

- Любые колени к вашим услугам, крошка! - ржут из машины.

- Нет, не надо! Спасибо! - пытаюсь как-то по-вежливому отвязаться.

Но, видимо, Масхадов не собирается оставить меня в покое. Тем более, что я слышу, как щелкает дверной замок И дверца автомобиля едва приоткрывается. В этот момент мимо пролетает что-то с невероятной скоростью и останавливается немного впереди меня.

Масхадов сильно ругается, но дверь все-таки не закрывается, а я смотрю на парня в мотоциклетном шлеме, который только что пролетел мимо.

Он одет во все черное, на нем полная защитная экипировка. И его байк тоже черный. Я смотрю на него то ли с восторгом, то ли со страхом. Еще пара секунд, и он влетел бы в дверь автомобиля.

Он разворачивает байк и вплотную к остановке подкатывает ко мне. За спиной у него черный рюкзак, который он сейчас перевешивает на грудь, и произносит очень спокойно:

- Третий корпус?

Я не могу ничего вымолвить и только мотаю головой в знак согласия. В его шлеме я вижу свое идиотское отражение, от которого мне становится не по себе.

- Садись, - говорит он все тем же спокойным тоном, показывая на место позади себя, где как раз помещусь только я, со своим худосочным телом.

Где-то в стороне я слышу, как масхадовская шайка уже пришла в себя, и сейчас начнутся разборки. Я не думаю, я делаю. Перекидываю ногу и, стараясь не нарушить границ приличия, усаживаюсь на байк.

- Держись крепко, Соня. Очень крепко, – немного громче произносит он, прежде чем срывается с места. Я даже не успеваю понять, откуда он знает мое имя, потому что единственное, что меня заботит, это удержать свое убогое тело на этой скоростной штуковине. Я честно выполнила его наказ: вцепилась так, что костяшки пальцев побелели. Сначала я пыталась держаться за края куртки, но как-то это было неэффективно, мне казалось, что вот-вот и меня сдует, поэтому обхватила торс мужчины максимально, чтобы не упасть. Дороги я не видела, потому что уткнулась в спину и зажмурила глаза. Волосы то и дело разлетались в разные стороны, никакая укладка «Тафт три погоды» им уже не поможет. Конечно, я не была из тех любительниц модных причесок, мне достаточно было чего-то простого, но и с вороньим гнездом на голове не хотелось являться на консультацию.

Мы были в пути недолго, где-то несколько минут, или просто мне так показалось. Когда мотор затих, я еще не могла понять, остановились ли мы или еще нет Руки немного подрагивали от адреналина, и их сложно было расцепить

- Приехали, - все так же спокойно сообщили мне.

Наконец, совладав со своими руками, я отпустила его, и попыталась хоть как-то пригладить тот веник, который образовался у меня на голове, вглядываясь, где мы находимся.

- Всё нормально? – все так же спокойно и уверенно спросил парень.

- Да! Спасибо большое! - проговорила я, стаскивая свое бременное тело с сиденья.

- Извини, я тебя не узнала, - пролепетала я, пытаюсь рассмотреть хоть что-то в его зеркальном шлеме. Кроме своего потрепанного вида, там не было ничего.

- Удачи тебе! Говорят, Псковский сегодня зверь, - сообщил он мне напоследок и завел двигатель своего мотора.

Он представил руку к шлему, как будто прощался со мной, а затем вырулил на дорогу и исчез из поля зрения.

Ну и денек! Я, конечно, понимала, что поездка в универ будет еще тем испытанием, но не таким же. Так еще и профессор этот!

Глава 3

Я нечасто бывала в третьем корпусе и, естественно, запуталась, но потом все-таки нырнула в нужную аудиторию. Таких бедолаг по несчастью было несколько человек, и все хватаясь за сердце пересказывали, какой Псковский монстр. Мы все заканчивали третий курс, только с разных групп. На нашем потоке готовили историков с какой-то определенной специализацией. Специализация, может быть, была и разная, но с этим профессором мы влипли конкретно.

Дверь распахнулась, и на пороге показался мужчина средних лет, в синем костюме и белой рубашке. На вид ему было не больше тридцати. Я открыла рот от удивления: неужели профессор такой молодой мужчина?

- Доброе утро, уважаемые студенты! – начал доброжелательно он. Ну нет, это точно не профессор! И в подтверждении моих слов он продолжил:

- К сожалению, вам придется перейти в другую аудиторию, так как произошли небольшие перестановки в расписании. Проследуйте в аудиторию 120. Все как-то обреченно вздохнули.

- А что не так? - попыталась я узнать у проходящей мимо девушки.

- Когда придешь, поймешь, - как-то невесело промямлила она.

Идти мне и так не очень-то хотелось. А теперь и подавно.

- А это что за милый парень? - переспросила я.

- Это ассистент профессора, помогает ему, говорят...

- Девушки, не отставайте! - проговорил этот самый ассистент и так посмотрел на нас, что как-то неудобно стало. Мы прошли еще немного в полном молчании, а затем завернули в какой-то темный коридор, освещаемый тусклой лампой накаливания. Я это сразу поняла, потому что у бабушки в подъезде была такая же. Сколько раз предлагали менять, но жильцы не хотели, считали: то, что придумано в СССР, надежнее, чем китайский ширпотреб.

- А чего здесь так темно? - прошептала я, наклоняясь к своей собеседнице.

- Здесь рядом хранилище, нельзя, чтобы ультрафиолет проникал.

- Аа...интересно, никогда не бывала здесь.

Девушка на меня то ли с завистью, то ли с любопытством посмотрела и тихо проговорила:

- Лучше бы и не бывать никогда.

И сказано это было так, как будто нас на пытки, как минимум, ведут.

Наконец, ассистент остановился возле решетки, у меня чуть челюсть не отпала. А затем открыл дверь, которую бы я с трудом нашла в этой темноте.

Аудитория была намного светлее, чем коридор, но дневной свет в ней отсутствовал, как и окна. Парты стояли на

большом расстоянии друг от друга и помещали лишь одного человека. В середине стояла трибуна, но за ней никого не было, а поодаль стоял длинный массивный стол, где и расположился профессор. Я не смогла рассмотреть его лицо, так как он закрыл его рукой; напротив него сидел бледный студент, что-то бляя... Было видно, что одному давалось тяжело говорить, а второму – слушать.

Ассистент рассадил нас по партам, а затем сел рядом с профессором и что-то произнес очень тихо. Профессор медленно опустил свою руку, которая прикрывала его темные очки. Теперь можно было выделить, что мужчина носил бороду и усы. И если бы не очки, то я бы сравнила его внешность с Садко из советской сказки. На одной из его рук был даже перстень с крупным камнем и часы. Это меня почему-то привлекло.

- Нифтихина, подойдите, пожалуйста, - проговорил громко ассистент.

Конечно, фамилия у меня не из самых простых, так как является адаптацией греческой фамилии Нафтихиду. Но как же можно было допустить в ней ошибку?

Я подошла к столу и произнесла четко, но громко:

- Нафтихина.

- Что, простите? - переспросил ассистент.

- Моя фамилия Нафтихина, а не Нифтихина. Вы ошиблись, когда ее произнесли. Или же есть еще в аудитории студенты с такой фамилией?

Ну вот, почему? Почему меня несет, когда я так сильно волнуюсь? Подошла бы спокойно, без этих вот эмоциональных выплесков. Узнала бы все, что он от меня хотел, и пошла бы в библиотеку...

Вот и сейчас я чувствую, как профессор буравит меня взглядом сквозь свои темные очки, вызывая прилив неимоверного стыда.

- Садитесь, София Архиповна, - выдержав паузу, все-таки проговорил профессор. Голос у него отличался от того, что я слышала через приложение, приятнее, что ли, стал.

Да и смотреть на него было куда интереснее, чем на черный квадратик.

Я взяла стул, на котором недавно сидел бледный студент, и аккуратно присела.

- Когда вы планировали посетить библиотеку, София Архиповна? - продолжил он все в той же манере.

- Сегодня, в восемь утра, - и последние слова я особенно выделила интонацией.

- Хорошо, и почему же вы не в ней? - продолжил он. Он издевается?

- Вы хотели бы уточнить, почему я не в библиотеке? - как можно спокойнее начала я, потому что мне хотелось кричать и бить кулаками. Я с трудом добралась до этого долбаного третьего корпуса, потеряла проездной, моя мама из-за меня попала в аварию, а этот щеголь, почему-то приходило только это слово, спрашивает, почему я не в ней?

- Да, именно это я спросил, - ответил он, а посмотрел на меня так, будто это я Г.В., а не он.

- Это я вас хочу спросить, уважаемый Георгий Всеволодович, сокращенно Г.В., почему я нахожусь в 120 аудитории в третьем корпусе, если мое обучение проходит на удаленке!

Про «Г.В.» даже не знаю, зачем добавила. Наверное, перенервничала.

В аудитории и так-то была тишина, а теперь было слышно, как ток идет по лампе.

Георгий Всеволодович растянулся в улыбке, которая преобразила его лицо, но из-за ситуации была очень зловещей.

- Жду сегодня вечером первую главу, со всеми замечаниями, которые были внесены прежде, дорогая моя С.А., полностью София Архиповна.

Это несколько недель работы, а не часов.... Боже... Что же я наделала! Но сдаваться и молить его не хотелось.

- Я могу идти? Консультация закончена? - сквозь зубы произнесла я.

- Конечно! - очень добродушно произнес он, - только материал приму в распечатанном виде. От электронных у меня устают глаза.

В распечатанном?

- Я не успею, - твердо отвечаю. А про себя думаю, что он неадекватный.

- В 20:20, в 104 аудитории. Двенадцать часов более чем достаточно для правки того, что у вас есть.

- У меня даже материалов с собой нет.

- А это не проблема, София Архиповна. Все что нужно, вам дадут.

Я не успеваю ничего сказать, как на мое место уже зовут другого студента.

Зверь? Нет, это хуже зверя. Звери никогда не будут жестоки без причины, а у него какая причина так злиться на меня?

Ну, причина, как бы была: я немного перегнула, когда назвала его Г.В. Ну так это не ко мне вопросы должны быть, а к его родителям.

Глава 4

Я уже битый час исправляю то, что, по мнению Псковского, является мракобесием. В библиотеке мне принесли мой вариант курсоча, буквально весь исписанный красной пас-той. Сначала я злилась, потому что мою работу просто обес-ценили, и хотела ему доказать, что он напрасно так со мной. Я очень трудолюбивый человек. Потом начала терять веру в себя, потому что был уже обед, а я все сидела в библиотеке с ноутбуком и заново создавала текст, который уже даже от-даленно не напоминал мой курсовой проект.

Поговорить с мамой нормально не получилось, потому что в библиотеке нельзя этого делать, да и отрываться на по-стоянные СМС тоже не вариант. Как только мама услышала, что Псковский заточил меня на двенадцать часов в библио-теку, все вопросы отпали. Как только я сдам свои главы, папа будет ждать меня возле корпуса.

Я не успела спросить, что с машиной, но по ее тону было ясно, что этот вопрос улажен.

Сегодня у меня день открытий. А ведь буквально несколь-ко часов назад меня беспокоило, что я мало взаимодействую с внешним миром. Теперь я буквально утопала в новой ин-формации. Надеюсь, нервная система не пошлет меня к чер-ту.

Я никак не могла вычеркнуть из своей головы того мото-

циклиста, он словно ангел, появился в нужный момент и спас меня... Даже имя мое знает...

Телефон завибрировал, сидящие рядом косо на меня посмотрели. Я готова сквозь землю провалиться, но все-таки смотрю на дисплей. Сообщение от неизвестного номера:

Встретимся сегодня вечером?

Я чуть из штанов не выпрыгнула. Не знаю, почему я решила, что это именно он. Ведь знал же он мое имя, почему и номер не должен знать? Конечно, я хотела встретиться, но этот долбанный курсач.

Сегодня не могу, - набрала быстро.

И тишина. Я несколько раз посмотрела на экран, перепроверила. Может быть, он подумал, что я его отшила. Но это не так. Может быть, написать ему, что я имела в виду, что я сегодня занята, но в другой вечер свободна! Или это будет слишком вызывающе? О, Боже! Почему так сложно?!

Я пытаюсь снова переключиться на главы, но после этого сообщения мне стало только хуже: мысли не просто крутятся вокруг того, почему он молчит, а в голове уже целая космическая воронка образовалась. И я не придумываю ничего лучше, чем сделать перерыв.

Допивая уже третий стакан из кулера, все-таки решаюсь написать:

Но я свободна завтра.

Где встретимся? - незамедлительно прилетает сообщение.

Где же нам встретиться? И, главное, во сколько? Родите-

ли меня, естественно, не отпустят, если только я не скажу, что сдаю что-то очередное Псковскому. Отец может высадить меня возле главного корпуса, а там рядом есть небольшая кофейня. Кстати, раньше мы часто с Маринкой там обедали, не нужно было ждать очереди в столовой. Почему бы не встретиться там? Во-первых, людное место. Во-вторых, недалеко от остановки, да и обзор хороший, так как панорамные окна кофейни выходят на все четыре стороны.

В Стекляшке, возле универа, в 18:00. Сможешь?

Не проходит и минуты, как приходит ответ:

Договорились.

Я пишу от восторга, пытаюсь приглушить свою радость, все-таки я в библиотеке.

Снова возвращаюсь к параграфам, а думаю опять не о том, а что надеть на завтра, как сообщить родителям, прокручиваю кучу вариантов. Время уже давно перевалило за четыре, а я все жую первый параграф. К шести я все-таки доделываю часть работы и даже горжусь собой, ведь осталось всего-то ничего, как мне кажется, два с половиной параграфа. И поначалу радость от проделанной работы меня как-то бодрит, я не чувствую усталости и голода, что немаловажно. Обманывать желудок теплой водой еще получается, жаль, мочевой пузырь не обманешь. Придя из очередного похода в туалет, я снова сажусь за работу, но продвигаться быстрее не получается, слишком много нового материала, голова начинает гудеть... А буквы сливаются в одну строчку... я изо всех сил

бодрюсь, но чувствую, как глаза закрываются...

Мне кажется, что я закрыла глаза на пару минут, даже какие-то выводы успела сделать. Зодчество – непростой вид искусства: в каждой отдельной губернии, да что там губернии, в каждой отдельной семье применялись свои техники по обработке материала, ну и рисунку.

После того, как я перелопатила новые источники и внесла правки в свои параграфы, предыдущие выводы мне не кажутся убедительными. А я ведь потратила много времени на них! И мой предыдущий руководитель был со мной согласен.

Я поднимаю голову и просто не могу поверить: передо мной сидит профессор. Пытаюсь связать все в единое целое: зачем он пришел? Мы же договорились, что я принесу ему лично первую главу, так еще и в распечатанном виде.

На лице мужчины застыла улыбка. Сквозь темные стекла очков невозможно понять, злорадная она или нет. Но я склоняюсь к злорадной. Почему-то мне хочется поддеть его.

- Мы договорились, что у меня есть двенадцать часов на доработку, не так ли, профессор?

- Все так, София Архиповна. Но дело в том...–, он поднимает свою руку с часами, показывая их мне, а я замечая, какие у него изящные пальцы, такие выразительные. Но навязание быстро сходит, когда он произносит:

- Они уже, как пятнадцать минут назад, истекли. И я решил узнать, по какой причине вы не выполнили свои обязательства.

Теперь я была уверена, что улыбка была злорадной. Смотрю на экран монитора и офигеваю вдвойне: действительно уже 20:35. Но меня пугает даже не это, а то, что я вижу абсолютно белый лист, и где же мои параграфы?

- Надеюсь, вы хоть строчку написали, а не отсыпались здесь? Я, конечно, не смею судить, насколько у вас бурные ночи, но было бы интересно почитать вашу главу.

Какие ночи? Я просто переутомилась и заснула, а он выставляет все так, будто я где-то шаталась без дела и пришла сюда поспать.

Снова смотрю на экран и вижу 16000 страниц. Что за бред? У меня столько не было!

- Понимаю, не очень приятно слышать о себе некоторые вещи, но все-таки у нас будет диалог? – уже, несколько не скрывая своего язвительного отношения, начал напирать он.

Объяснить этому старому козлу, что я просто зажала клавишу Enter и заснула, не собиралась: во-первых, глупо; во-вторых, все равно найдет, к чему прицепиться.

Слегка прочищаю горло, потому что после этого внезапного сна, в нем все пересохло. Надеюсь, я не спала с открытым ртом. И решаю об этом спросить, чтобы дезориентировать собеседника, да и страницы нужные найти.

- Я очень рада, что вы не беретесь судить, как проводят

ночи ваши студенты, но не могли бы вы мне подсказать, как долго вы наблюдаете за тем, как они спят? – выдаю я, при этом даже не смотрю на него, потому что тщетно ищу кнопку, которая уберет эти тысячи лишних страниц.

- Изобретательно, - отвечает он, расплываясь еще в большой улыбке. И я даже на какой-то момент залипаю на ней. Мне кажется, она знакомой. Такое ощущение, что я где-то ее видела, и не только видела, но и любовалась, потому что что-то внутри отзывается на нее.

- Зажмите «Ctrl + Z», - спокойно говорит он.

- Что? - не понимаю я.

- Разверните ноутбук в мою сторону, я посмотрю, - продолжает он.

А я не хочу, потому что демонстрировать белый экран совсем не хочется. Может быть, просто выйти из Word, но я не помню, сохраняла ли я последние правки. Боже мой!

Псковский видит мои колебания, еще бы! У меня, наверное, на лице все написано. Он переворачивает комп к себе, усмехается, нажимает что-то на клавиатуре и возвращает его мне.

Я вижу, что все мои страницы на месте, и бесконечных белых листов нет.

- Спасибо, - немного растерянно шепчу я. Потому что мне уже жутко неудобно за свои предыдущие слова.

- Жду остальную часть завтра, в 8:20. Надеюсь, вы прекрасно поспали, аж на 16 000 страниц.

Зараза такая! Но я молчу. Вижу, он прочитал по выражению моего лица, что я о нем думаю.

- Всего вам доброго, София Архиповна. Можете быть свободны.

Я незамедлительно сбрасываю материалы на флешку, беру свой телефон, который я оставила на столе, и иду к библиотекарю, чтобы сдать все материалы.

А профессор словно прирос к своему месту. Пока я относила талон к стойке, ждала, пока сдавала ноутбук, он был неподвижен. Было непонятно, куда он смотрит, а может быть, и дремлет уже. У него была какая-то расслабленная поза.

Библиотекарь начал все перепроверять, а я, не теряя времени, зашла в журнал звонков, чтобы позвонить отцу. И просто вхожу в ступор от количества пропущенных от мамы. Библиотекарь отпускает меня, так как все в порядке. И я пулей вылетаю на лестницу. Быстро набираю ее, пока спускаюсь вниз, в холл университета.

Готовлюсь к весьма неприятному разговору, ведь у мамы и так выдался день не из простых. А тут и дочь не отвечает битый час. Но, на удивление, голос у нее спокоен, как никогда, что больше меня страшит.

- Мама, что-то случилось?

- Нет, папа уже подъехал и ждет тебя. Ты сдала? — спрашивает она, делая акцент на последней фразе.

Будто это самое важное.

- Не совсем, - пытаюсь дать правдивый ответ. Врать у меня всегда плохо получалось.

- Как же так? Профессор сказал, что вы почти закончили,
- с какой-то горечью произносит она.

- Что значит «сказал»? - не понимаю я.

Они не дозвонились до меня и поэтому взяли в оккупацию Псковского?!

- Ну то и значит! Я звонила тебе сотни раз, хотела уже МЧС вызывать, но тут твой профессор перезвонил, сказал, что не позволяет пользоваться телефонами студентам во время консультаций. И уточнил, что вы скоро закончите.

- Обалдеть, - только и смогла сказать я.

Мало того, что он пялился на то, как я сплю, теперь я в этом не сомневалась, так еще и родителям моим умудрился позвонить. Может быть, и в телефоне моем копался... Нет, Соня... спать в библиотеке — это самое гиблое дело...

- Что за слова, София? – теперь обалдевала мама.

Родители старались не использовать подобные словечки, да и меня всячески порицали за это.

- Извини, просто день тяжелый, да и доделать много чего надо.

- Да, это точно... Денек ещё тот, ты только папе не рассказывай всё. Хорошо?

А вот это удивительно. Мама никогда не просила меня об этом, и тем более ничего никогда не скрывала.

- Скажи, что я довезла тебя до места, и уже потом вреза-

лась, хорошо?

- Эээ, хорошо, мам... - мямлила я, потому что уже увидела нашу машину и папу, который докуривал очередную сигарету.

- Я приготовила твою любимую запеканку, - лилейным голосочком начала мама.

- О! Супер! Я как раз вижу папу, значит, скоро будем! - радостным голосом произнесла я.

Обожала мусаку, тем более в исполнении мамы. Бабушка ее тоже часто готовила, так как это любимое блюдо и папы тоже. Мама, конечно, лисичка! Решила умаслить отца и меня заодно.

- Люблю вас!

- Любим тебя! - прощаюсь с мамой.

- Чего трубку-то не взяла? - ворчит папа вместо приветствия.

- Профессор строгий, - шепчу я, как будто Псковский был где-то рядом.

- Бабушке бы твоей понравился! - шутит он.

- О, да! - произношу с особым придыханием.

Бабушка, вообще, любитель всего советского, а этот точно оттуда! Попахивает от него какой-то вышколенностью: выглаженная рубашка, запонки на манжетах, точно повторяющие узор на пуговицах жилета, галстук, идеально завязанный и подобранный в тон к костюму. Даже ремешок часов и тот не выбивался из общей картины.

Сейчас я поймала себя на мысли, что в нем сочеталась какая-то былинная мощь и утонченное чувство вкуса. И почему-то мне захотелось посочувствовать его жене: у таких мужчин, как правило, были завышенные требования... хотя...

Мы уже подъезжали к дому, когда я услышала рев мотоцикла, и тут же прильнула к окну.

- Смертники, - пробубнил отец.

Он всегда называл так мотоциклистов, ведь риск погибнуть на дороге у них был выше. Хотя в молодости, тоже был не прочь погонять, за что неоднократно был поруган бабушкой.

Конечно, я уже ничего не увидела, только удаляющуюся вдаль фигуру.

Глава 5

После вкуснейшей мусаки я плетусь снова в свою комнату и сажусь за компьютер... И только сейчас до меня доходит! Что редактировать последующие параграфы без книг просто не получится... Вот! Как? Где были мои мозги, когда я соглашалась утром принести готовый вариант?

Так, начну с того, что перенесу наработанные файлы на комп. Открываю флешку, начинаю искать файл и вижу какой-то левый архив, которого у меня точно не было. И подписан он как-то странно: «Для Софии Архиповны». Что это за шуточки? Незамедлительно копирую и извлекаю содержимое. И когда я вижу содержимое, то у меня горят даже пятки от гнева. Я вижу всю литературу в оцифрованном виде, с которой я работала сегодня. То есть, этот говнюк а другого слова, я просто не могу подобрать, дернул меня из дома, заставил провести двенадцать часов в библиотеке, имея оцифрованные книги из этой потайной секции, в которую хрен запишешься!

Я издаю такой истошный стон, что на него прибегают родители! Наверное, думая, что я сошла с ума.

- Соня, что случилось?
- Всё н-рма-льно, - по слогам произношу я.
- Точно? - переспрашивает папа.
- Точно! Просто удалила нужный файл, - вру я. Не расска-

зывать же им, что мой профессор самый настоящий идиот, каких поискать нужно.

- Может быть, как-то можно еще восстановить? - пытается успокоить меня мама.

- Все нормально! Я уже все сделала, не волнуйтесь, - пытаюсь успокоиться я.

- Ладно, - произносит мама, посматривая на папу.

- Ты занимайся, - говорит отец, разворачивая маму в сторону выхода.

Я слышу, как они о чем-то перешептываются, но я сейчас так зла, что даже не хочу знать, что они обо мне думают. Сейчас у меня одна цель: дописать эту долбанную главу.

Ночь проходит незаметно, да еще и за кружками кофе, которые я хлебаю как не в себя. К трем часам ночи я наконец-то завершаю и даже выношу отдельные выводы. Долго думаю, печатать сейчас или все-таки дождаться утра. Но все-таки решаю дождаться утра. Открываю окно, наслаждаясь ночной прохладой, ложусь на кровать, обдумывая, как я вручу завтра первую главу, и задаюсь вопросом: а почему я все-таки должна это делать? Почему должна играть по-честному, когда он использует такие приемчики? Добираюсь до компа и отправляю ему на почту готовый вариант и добавляю постскриптом: «Я веду с вами честную игру...»

И с мыслями, что я завтра не явлюсь на консультацию, заваливаюсь на кровать и засыпаю...



Утро начинается не с кофе, потому что получилось поспать всего четыре часа, и мне этого явно мало. Я все еще пытаюсь осознать, почему меня все-таки разбудили в семь. Ведь я твердила, что пойду на консультацию вечером. Но после того, как мне сообщили, что моим родителям снова позвонил куратор, я поняла, что где-то нагрешила в прошлой жизни. Собираться пришлось быстро, и распечатать я, естественно, не успела.

Отец завез нас в кофейню, где мы попросили на вынос три кофе и круассаны.

Я не просто бегу в университет, я стараюсь успеть в библиотеку, чтобы распечатать главу курсоча. Передо мной парень, у которого куча флешек, я понимаю: если он начнет, то к обеду, может быть, закончит. Обмениваю свой круассан, и первой становлюсь в очередь. Мне кажется, что печать длится очень долго, хотя это не так. Хватаю свои документы, в другой руке недопитый кофе, потому что с ним я, даже под страхом смерти, не хочу расставаться. Влетаю на второй этаж, заруливаю в коридор и блин! Я врезаюсь со всего маха в какого-то. Естественно, чертыхаюсь про себя. Жалею свой кофе... Гневаюсь, откуда этот идиот взялся в темном коридоре на мою голову. Идиот так же думает обо мне. Кофе стекает по его белой рубашке. В одной руке он держит кожаный

портфель, а в другой – трость с огромным набалдашником. Я перевожу взгляд на его лицо и понимаю, что вчера была белая полоса, а вот сегодня началась черная... Выражение лица Псковского не сулит ничего хорошего...

- Извините, Георгий Всеволодович, - бормочу я. – Я вас не заметила...

- Если бы вы просто извинились, было бы не так обидно, - с большой иронией отвечает он.

Да уж... Ну хотя бы как-то я тебя задела...

- Надеюсь, вы принесли мне первую главу в распечатанном виде? - продолжает он.

- Конечно, Георгий Всеволодович, - стараюсь не выдавать свой гнев, говорю я. А у самой уже начинает подкипать.

- Хорошо, пройдемте в аудиторию, - спокойно говорит он, пропуская меня вперед.

Я захожу на удивление в светлую аудиторию, с хорошими широкими партами, где можно спокойно расположиться. Плохо только то, что стол лектора находится вплотную к учебным партам. Раскладываю свои вещи на первой парте слева от лекторского стола и сажусь за нее.

Псковский заходит позже, прихрамывая и опираясь на трость. Укладывает свой чемодан на лекторский стол и переводит взгляд на меня: пятно на его рубашке явно не затереть и даже не застирать...

- Давайте обсудим выводы по проделанной работе, - прерывает он молчание.

Я быстро пытаюсь найти нужные листы, ну как нарочно всё путается.

- Первый, и самый важный на сегодняшний день - у всего должен быть порядок, даже у страниц в курсовой, - произносит он, при этом расстёгивая запонки на манжетах...

- Но...

- Даже у черновика, - не дает завершить он мне, переходя к пуговицам на рубашке.

- Второй, не менее важный вывод, который предстоит сделать. Жизнь – это не игра, а если даже и так, то я играю по своим правилам, - продолжает он, несколько не смущаясь, оголяя свое тело.

- Ааа...- пытаюсь возмутиться я.

- И третий, самый интересный на сегодня вывод. По моим правилам, тот, кто ошибается, тот и исправляет.

Он подходит ко мне и протягивает рубашку. Я аккуратно беру ее, и не потому, что я хочу ее стирать, а потому, что я поражена. Его тело мне кажется знакомым, как будто я не только его видела, но и трогала. И все его рубцы и шрамы, как будто на своих местах. У меня нет желания отвернуться, смутиться, я даже хочу их потрогать, убедиться, что они настоящие.

- София Архиповна, я понимаю, что зрелище не для слабонервных, но вы постарайтесь так не смотреть, я все-таки живой человек, могу и засмущаться или, Боже упаси, словить гипертонию.

Я все-таки отвожу взгляд и аккуратно складываю его рубашку в сумку.

- А теперь к вашему сочинению, потому что иначе я не могу это назвать.

К сочинению? Это его обесценивание труда, меня реально бесит. Я вообще с таким не сталкивалась. Если бы на моем месте была Марина, я даже не знаю, что она ему сказала, но точно не сдалась.

Марина... Меня буквально пронзает мысль, как я раньше не соотнесла этого.

- Георгий Всеволодович? - с вызовом начинаю я.

- Я понимаю, что вы недовольны, но скандалить бессмысленно, - спокойно сообщает он, что-то доставая из своего портфеля.

- Нет, Георгий Всеволодович! Я хочу спросить о другом! - введя в явный ступор Псковского, продолжаю я.

- О чем же? - немного растерянно спрашивает он.

А я не могу усидеть на месте, от волнения я всегда начинаю ходить.

- В прошлом году, осенью, наша группа побывала в Китеже...

- Многие группы приезжают в Китеж, - проговорил он, вытаскивая запасную рубашку из портфеля.

Но меня сейчас это не волнует, я слишком сконцентрирована на той мысли, что меня посетила.

- Да, многие, но многие ли оттуда возвращаются? - с ка-

кой-то угрозой в голосе спрашиваю я.

- Что вы имеете в виду, Соня? – проговорил он с какой-то тревогой, набрасывая рубашку на плечи.

- Я лишь хочу сказать, что той осенью моя подруга не вернулась домой, и, как я понимаю, ваши шрамы тоже появились не случайно, как и мои.

Шрамов у меня никаких не было, даже не знаю, зачем приплела это, наверное, хотела быть ближе к нему, чтобы он раскрылся.

Надо было видеть лицо Псковского: от улыбки не осталось и следа.

- Я жду сегодня вечером вторую главу. Где библиотека, вы уже узнаете, — как-то резко произносит он. Застегивает запонки и переходит к пуговицам на рубашке.

Наверное, если бы дело касалось только меня, то я молча пошла в библиотеку и делала все, что он потребовал, но здесь была замешана Марина.

Псковский уже взял свой портфель со стола и повернулся в сторону выхода, твердо сжимая трость в руке.

Не нахожу ничего лучше, чем схватиться за его ладонь. На ощупь она очень приятная, а мое тело словно пропускает разряд тока, и я замираю, сумасшедший пульс бьет по вискам, а в груди тесно и жарко.

Я никого и никогда так не держала, тем более не испытывала таких эмоций.

- Георгий Всеволодович, вы должны мне сказать! - наста-

иваю я, понимая всю абсурдность ситуации, но ладонь не отпускаю. Он тоже не стремится ее выдернуть, но произносит хлёстко и даже не повернувшись ко мне:

- Не уверен, что я вам что-то должен.

После таких слов мне бы отпустить его и идти себе спокойно в библиотеку, не теряя чувства собственного достоинства. Но не могу.

- А при каком условии будете должны? - не отпускаю его я.

Мой вопрос явно его веселит, потому что он едва сдерживает себя, чтобы не расхохотаться.

- При каком условии спрашиваете? - сквозь смех произносит он.

А меня это приводит в бешенство, потому что все что касается Марины, не может быть смешным. Тем более что я чувствую, что он что-то знает, но пытается скрыть, иначе невозможно объяснить эту перемену настроения.

- Вы что, оглохли? - не сдерживаюсь я.

- Нет, не оглох ещё, но если будете говорить таким тоном, то могу, - произносит он строго.

Хочется прикусить язык и извиниться, и уже отпустить его ладонь, но меня будто приклеили к нему, и я не только не собираюсь отступить, а продолжаю кидать вызов:

- Так при каком условии?

Псковский все-таки поворачивается ко мне и очень вкрадчиво произносит:

- Вы когда постскриптум писали, вы хотя бы посмотрели,

откуда вы его взяли?

Вопрос меня больше шокирует, чем все происходящее и, конечно же, я не помню, откуда я его взяла, наверное, из какой-то книги.

- Не помню, - растерянно отвечаю я.

- Ну как вспомните, это и будет ответом на ваш вопрос. А сейчас мне нужно на пару, отпустите, пожалуйста! - говорит он последнее каким-то наигранно детским голосочком.

Я отпускаю, потому что мой мозг начинает анализировать то, что я сейчас натворила, и мне так становится стыдно, а еще мне неясна реакция профессора. Он со мной играет, что ли?

- И ещё! Я жду вторую главу не позднее пяти. Все понятно? - возвращает меня из размышлений его голос.

- Да... - бормочу я, так как адреналиновый запал исчез, а стыд остался.

- Очень рад, что мы друг друга поняли, - говорит он и уходит из аудитории.

Я еще минуту прихожу в себя, пока не слышу, как звенит звонок. Он будто меня будит, я выхожу из аудитории, возле которой толпятся студенты, и направляюсь в библиотеку. Слава Богу, профессор не попадается мне на пути.

Глава 6

В библиотеке меня встречает ассистент Псковского, который вручает мне вторую главу с замечаниями, а также флэш-карту с подписью «Для Софии Архиповны». Ассистент, прямо скажем, не очень многословен, да мне и не нужны слова, я и так понимаю, что мне нужно сделать. Усаживаюсь за самый дальний стол, ведь работать мне сегодня не один час. Я уверена, что этот деспот явно искал иголку в стоге сена и точно нашел.

Перебираю страницы своей главы и понимаю, что она ему понравилась больше, чем предыдущая. Красной пасты меньше и вопросительных знаков, а также пометок «обратитесь к первоисточнику».

Передо мной садятся две молодых девчонки, возможно, первый курс. И что-то начинают шептать друг другу. Я бы их и не слушала, если бы одна из них не начала хихикать.

- Ты видела? Видела! Как он на меня смотрел... Как Серкан Болат...

- А эти его очки! – чуть ли не подпрыгивая от восторга, продолжает вторая.

- Кстати, моя мама сказала, что он на Бреда Питта похож.

- А кто это? - удивляется другая.

- Ну, это краш, короче! В молодости моей мамы!

- Да, он краш...

- А какой у него голос, слушала бы и слушала...

Дуры малолетние, явно какого-то смазливенького препода обсуждают... Снова пытаюсь сосредоточиться на своей работе... А еще мне не дает покоя эта долбанная цитата, но проверить, из какой она книги не получается, библиотечная система поиска так не настроена...

- А ты искала его в соцсетях? - переспрашивает одна у другой.

- Конечно же искала! Но там полный треш! Ни инсты, ни ВК, а про прочее говорить не буду.

- У меня бабулька от ОК ещё тащится!

- Ну, давай в ОК наберем.

- Пиши: Псковский Георгий Васильевич.

Дуры! Даже отчество его запомнить не смогли! Бог ты мой! Не удивительно, что они от него тащатся...

- Нее, тут таких нет...

- Может быть, напишем наш университет, вдруг...

Конечно! Он же как родился, ни в садик, ни в школу не ходил, сразу в универ...

- Ну, че там?

- Что-то похожих нет...

- Ну, может, еще как-то запрос сократить, а то это кринж какой-то...

И не говори, полный причем... смотрю на это непотребство и ловлю себя на мысли: а вдруг и я в глазах Псковского выгляжу как эти убогие первокурсницы, которые двух слов

связать не могут...

– Вот тут возраст нужно вписать. Ты как думаешь, сколько ему лет?

- А сколько Серкану? – переспрашивает ее подружка.

Мда... Они сейчас серьезно? Они реально сравнивают Псковского с персонажем из турецкого сериала? Даже не с актером.

- ИИ говорит, что ему около тридцати!

- Да? Значит, пиши тридцать.

Застрелите меня, я просто не могу это слушать. Мне даже стало интересно, как они это делают. Господи, куда катится мир?!

Но когда они находят Псковского по запросу, я готова рвать на себе волосы. Я просто не верю в такую удачу. Как они это сделали? Для меня вообще логики не было. И почему Псковскому тридцать? Разве в таком возрасте становятся профессорами?

- Че у него в профиле написано?

- Тридцать лет, холост, живет в Нижнем Новгороде.

- А фоточки?

- Ну такое!

- Кринж.

Прозвенел звонок, и эти две козы пошли на пару... А я стала обдумывать, как же мне найти ноут с интернетом, потому что стало жутко интересно, что же они там увидели. Да и есть уже очень хотелось... Прикинула, где может быть ин-

тернет-кафе, чтобы перекусить и заодно свое любопытство удовлетворить, все-таки я могу работать над курсачом где угодно.

Сдаю ноутбук, флешку беру с собой. Выхожу на улицу, а тут такая красота: май во всей красе, птички поют, деревья стоят с молоденькими листочками, солнышко такое ласковое, в воздухе какой-то дух свободы... Я так давно не выходила куда-то. Конечно, я могла одна за хлебушком сходить, но это ровно на пятнадцать минут... Оказывается, что лучше свободы, не может быть ничего.

Дышу полной грудью, радуюсь... Вижу, что рядом с парком вывеска «Киберспорт Арена, интернет-кафе».

Прелесть какая! Даже далеко ходить не надо. Захожу туда, за стойкой администратора – молоденький паренек в очках и огромной белой футболке, которая, по ощущениям, ему размера на три больше и подчеркивает еще больше его худобу. Но не суть. Я не за этим сюда пришла, мне нужен быстрый перекус и доступ к Интернету.

Поесть, как оказалось, ничего нет, но он предложил сделать доставку. Если бы знала, в столовой пирожки купила. Хорошо, хоть вода была.

Оплатила разовое посещение и отправилась за комп. Какое это странное чувство! Сесть за комп с Интернетом! Это почти весь мир у твоих ног, только делай правильный запрос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.